

АЛЕКСАНДР САНФИРОВ

НАЧАЛО
ЗВЕЗДНОГО
ПУТИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С18

Серия «Боевая фантастика»
Оформление обложки *Антонина Калласа*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

С18 Санфиоров, Александр Юрьевич

Начало звездного пути: роман / Александр Санфиоров. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 384 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-096933-3

Крепостные крестьяне сельца Чугуева, глядя на сопливого, грязного подростка, считали, что ему предопределено прожить жизнь деревенского дурачка, пасущего коров и играющего простенькие мелодии на своем рожке.

Однако удивительное происшествие полностью изменило судьбу юноши. Бывший деревенский недотепа, над которым издевались сверстники, абсолютно неожиданно для окружающих выздоравливает, и с этого момента череда событий стремительно нарастает. Ее причудливые повороты делают нашего героя потомственным аристократом, наследником старинного рода, отдающим свои силы и способности на службу Российской империи и императору.

Но это далеко не всё, что ему суждено в жизни.

Когда наступит срок, он узнает, что должен совершить, чтобы опасность, угрожающая человечеству, исчезла.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096933-3

© Александр Санфиоров, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

День, как обычно, обещал быть знойным. Даже сейчас, рано утром, когда все хозяйки маленького сельца Чугуево уже подоили своих буренок и пытались выгнать их на улицу, на траве не было ни капли росы. А от низко стоявшего на горизонте кроваво-красного светила пыхало теплом.

— Мыколка, Мыколка, да проснись же ты, чертушка! — раздавался в крайней полуразвалившейся избушке старческий голос.

Внутри этого убогого жилища старая сгорбленная, кривая бабка тормошила на земляном полу грубую дерюгу, под которой кто-то спал.

Ее усилия принесли плоды. Под дерюгой раздалось шевеление, и на свет появилась взлохмаченная голова молодого парня, был он ужасно грязен. Из носа текли сопли, небрежно размазанные над верхней губой. Под глазом светился огромный синяк.

Он широко улыбнулся и пролепетал:

— Баба, ужо пора?

— Да пора, пора, Мыколушка, вона коровки-то с дворов выходят. Давай подымайся.

Парень откинул дерюгу и решительно встал. Когда он выпрямился во весь свой немалый рост, то оказалось, что он почти в два раза выше своей бабки.

Одет он был в драные-передранные порты и длинную холщовую рубаху, перевязанную веревкой.

— Баба, ням-ням, — жалобно протянул он, обращаясь к старухе.

Та заворчала:

— Ням-ням, сказал бы хоть раз по-человечески. Эх, дурашка ты моя, сиротинушка неприкаянная!

Но тем не менее достала с полки корчагу с квасом и кусок черного хлеба.

Парень в один глоток выпил ядреный кислый квас и в два глотка съел хлеб, после чего с надеждой посмотрел на бабку.

— Чо смотришь, ничего, милоч, нетути больше. Давай-ко лапти обувай, кнут свой возьми, не как вчерась. И смотри, сѣдни Марья Кторова тебе узелок собирает, не забудь, голова дырявая.

Мыколка радостно закивал головой, сопли снова полились из носа, и бабка вытерла их грязной тряпичей, еще больше размазав их по лицу.

Но его эти проблемы не волновали. Подвязав лапти, он накинул лямку холщовой торбочки через плечо и, взяв в руки кнут, вышел во двор. Тот представлял собой жалкое зрелище. Всё, куда ни глянь, заросло бурьяном, скрывающим жалкие остатки телеги и конской упряжи. Гнилая соха валялась под поваленным тыном. Но для парня это было в порядке вещей и нисколько не волновало.

Выйдя на улицу, он вытащил из торбы берестяной рожок и заиграл заунывную мелодию, И тот же час коровы, стоявшие у домов, неторопливо двинулись в его сторону.

— Ты смотри, — как обычно сказала старая Степанида своей соседке Маланье, — дурак дураком, а коровы за ним как привязанные идут.

— Да уж грех жаловаться, — ответила Маланья, — пасет хорошо, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Мыколка подошел к дому Кторовых и терпеливо ждал, когда ему хозяйка вынесет чего-нибудь поесть. Действительно, хозяйка не задержалась. Она держала в руках небольшой сверток, который сама положила в торбу пастуха.

— Не потеряй, горе ты наше, — ласково сказала она, — после полудни поснедай, а водицы из ручья попьешь. Тебе корчагу с квасом дать все равно что выкинуть.

Парень согласно закивал головой и, вновь заиграв на рожке, отправился по пыльной дороге к околице.

У околицы он остановился и внимательно посмотрел на коров. Считать он, конечно, не умел, но тем не менее еще ни разу ни одну корову не оставил в лесу. Каким образом он их запоминал, была загадка для всей деревни, но сейчас это принимали уже как должное.

Убедившись, что коровы все, он умело щелкнул кнутом, коровье стадо прибавило хода, стараясь на ходу ущипнуть остатки травы вдоль дороги.

Путь на пастбище занял около полчаса. Все коровы рассыпались по заливному лугу, где отросла сочная отава. А пастушок улегся на небольшом холмике, на котором рос огромный дуб. Вид с этого холмика на пасущихся коров был отличный. В тени

под раскидистым деревом было прохладно. С дубом в деревне было связано немало слухов. Говорили, что он здесь рос еще до Мамаея, а если найдется храбрец, что спилит этот дуб, то проклятие падет на него и его потомков до седьмого колена.

Деревенский поп решительно боролся с этим суеверием, но почему-то сам к дубу не приближался и разговоров о его уничтожении не заводил.

Местный помещик Илья Игнатьевич Вершинин, однако, гордился, что на его землях есть такая редкость и не раз во время охоты привозил сюда своих гостей, чтобы показать дуб, который был свидетелем сражения Дмитрия Донского с Мамаем.

А для деревенского дурачка это было просто очень удобное место для того, чтобы завалиться поспать еще на три-четыре часа, что он не преминул сделать.

Когда он проснулся, то солнце уже прилично повернуло на запад и начало снижаться над горизонтом. Как раз пора было перекусить.

Он развернул небольшой сверток. На грязной тряпице лежало две луковицы, ржаная лепешка и в отдельном узелке немного творога.

Дурачок быстро съел все, что лежало на тряпке, громко чавкая и кашляя от жадности. Потом с сожалением посмотрел на опустевшую обертку, осторожно собрал с нее крошки и кинул в рот. Но тут одна из крупных крошек упала в щель между корнями дуба. Он запустил туда палец, но достать кусочек лепешки не получалось. Тогда он обломил ветку и попытался выковырять эту крошку. Ветку

от листьев он не догадался очистить, и та не пролезала в щель. Тогда он встал, залез в кусты, туда, где у деревенских был спрятан общинный топор, которым вырубали жерди для стогов.

Вновь усевшись у корней дуба, он начал расширять щель, вырезая кончиком топора кусочки коры и древесины. Периодически он пытался достать пальцем заветную крошку, но пока ничего не получалось. Неожиданно топор скрежетнул по чему-то. Мыколка нажал сильнее, и из корня вывалился черный блестящий камушек.

Удивленный парень сразу забыл о хлебной крошке и начал пристально разглядывать находку. Камешек был правильной округлой формы, с едва намечающимися гранями, в его глубине, казалось, мерцают оранжевые искорки.

Оставшееся до конца пастьбы время дурачок любовался своим сокровищем. Опомнился только, когда солнце почти лежало над лесом. Время торопило, поэтому он сунул камешек в свою торбу и, быстро собрав в стадо лежащих и жующих жвачку коров, отправился с ними в деревню.

Когда подходил к околице, там было непривычно многолюдно, он опоздал с приходом почти на полчаса, и это встревожило баб, привыкших, что пастух приходит всегда вовремя. Но радость оттого, что с их Пеструхами и Белянками ничего не случилось, пересилила тревогу, поэтому Мыколку никто не упрекнул. Только несколько босоногих мальчишек, сопровождаемых своими младшими, вообще голожопыми братьями и сестрами, громко кричали

свою обычную дразнилку, на которую, как обычно, Мыколка не обращал внимания.

Дома его встретила заплаканная бабка.

— Баба, не плакай, не плакай, — заговорил Мыколка, глупо ухмыляясь, и тут же заплакал вместе с ней.

— Ох, горе ты мое, Мыколка, — вздохнула бабка, — осень уже на дворе, что будем делать, ума не приложу. Рожь не сеяли, в батраки тебя не берут из-за малоумия. Лето кое-как прожили, а что зимой делать будем? Единственное, что на ум приходит, возьмем мы с тобой суму и по миру пойдем, может, дотянем до весны, ежели Бог даст. А нет, так приберет Господь, и похоронят нас где-нибудь.

— Приберет, приберет, приберет! — начал повторять понравившееся слово Мыколка.

— Никшни! — крикнула бабка. — Не накликай беду, дурак!

Мыколка испуганно замолк и уселся на лавку, выудив откуда-то обгрызенную деревянную ложку.

— Ладно, — вздохнула бабка, — поснедаем, что Господь послал, — и поставила на стол горшок с кашей.

Вечером Мыколка лежал на развернутом на земляном полу тряпье и пытался рассмотреть в сумрачном свете свою находку. Бабка уже храпела на печке, едва теплой после топки остатками хвороста. Он крутил камень и смотрел на игру искорок в нем. Те сходились, сливаясь, вновь расходились, потом на одной грани появилась одна большая красивая

искра, и он решительно дотронулся пальцем до нее. Это прикосновение навсегда изменило его жизнь.

На Земле, впервые за последние десять тысяч лет, вновь прошло колебание эфира.

Сообщение:

К Искину АР-345:

Модуль ХХ02 — вошел в контакт с аборигеном, попытка создать контакт не удалась. Нарушены мозговые нейронные связи реципиента. Ожидая распоряжений.

Искин разведывательного бота АР-345 модулю ХХ02:

Немедленно передать схему нарушенных связей реципиента на мои коннекторы, исключить возможность потери модуля реципиентом. Приступить к фазе 09, не дожидаясь согласия аборигена.

Утром бабка встала, как обычно, еще затемно.

— О-хо-хо, — скрипела она, — болят старые косточки. Ох, надо бы лопух привязать, может, хоть колено ныть перестанет.

Она присела на лавку и горестно посмотрела на спящего на полу внука. Во сне тот разметался и скинул рогожу. Бабка смотрела на могучее тело юноши и думала свою обычную думу.

«Ну вот почему Господь ума ему не дал? За что такая напасть на Лазаревых нашла?» Когда семнадцать лет назад ее невестка родила долгожданного первенца, семья была не в пример больше, чем сейчас. Столько было радости! Но потом,

когда внучок пошел только в два года и не заговорил в три, в деревне пошел слух, что Коленька — юродивый. Наверно, это как-то повлияло на невестку, потому что после этих родов детей у нее не было много лет. А сын повадился пить горькую. И хотя с оброком они справлялись, но семья стала нищать. В прошлом году же свалились сразу все несчастья, Егорка — отец Мыколки, провалился под лед на извозе и вскоре умер. А жена, забеременев под тридцать пять лет, умерла в родах весной вместе с рожденным ребенком. Вот и остались горевать бабка с внуком-дурачком. Такие невеселые мысли бродили в голове у бабки Глафиры, когда она начала расталкивать еще спящего Мыколу.

Вот его нечесаная лохматая голова появилась из-под одеяла и удивленно обвела все глазами. Мыколка вскочил и как обычно начал ныть, прося чего-нибудь съесть.

Бабка подтолкнула к нему деревянный ковш с квасом и засохший сухарь.

Парень радостно заулыбался и шмыгнул носом, из которого опять потекли сопли. Он нахмурился, поднял с пола тряпку и аккуратно вытер себе нос.

Бабка ахнула и, открыв рот, уставилась на внука.

— Мыколка, что стряслось с тобой? Всеблагой Господь на небесах, парень нос вытер, когда такое было! — воскликнула она.

Но внук неожиданно уселся на пол и начал что-то искать, он перешарил всё на полу, зачем-то залез в свою торбу и, не найдя ничего, горько заплакал, сидя на полу.

— Мыколушка, родненький, скажи чего хоть ищешь? — запричитала бабка.

Тот, всхлипывая, начал говорить.

— Баба, рубить дуб, камень, вот сюда, камень был, здесь.

— Так ты камень, что ли, около дуба нашел, — догадалась бабка, — и сюды принес?

Внук радостно закивал головой.

Теперь к его поискам присоединилась и бабка Глафира, но они оказались безуспешны, найти камня так и не удалось. Поиски пришлось прекратить, потому что надо было идти собирать коров.

Мыколка повел коров на пастбище, все было вроде как обычно, но мир вокруг казался совсем другим, и в его голове один за другим возникали странные мысли.

— Интересно, а почему я пасу коров? — спросил он у бабушки, перед тем как выйти из дома.

Та посмотрела на него ничего не понимающим взглядом и упала в обморок.

— Баба, баба, проснись! — кричал Мыколка и тряс старуху за плечи.

Бабка открыла глаза.

— Перестань трясти, всю душу вытрясешь, — буркнула она, — так, что молвил про пастьбу? — с подозрением спросила она.

— Баба, почему я пасу коров? — вновь повторил свой вопрос Мыколка.

На этот раз бабка в обморок не упала, она сидела, смотрела на внука, а ее губы шептали:

— Чудо, воистину чудо Господне довелось узреть, дурак поумнел.

К Искину AP-345 от модуля ХХ02:

Сообщаю, исправление нарушенных нейронных связей проходит успешно, карта исправлений полностью усвоена реципиентом. Начинается период накопления информации. Модуль установлен в грудной клетке аборигена и не мешает его жизнедеятельности, начата перестройка организма, для уменьшения вероятности гибели аборигена.

Если бы коровы были разумны, то сегодня они бы весь день потратили на обсуждение изменений в поведении своего пастуха. Вместо того, чтобы, как прежде, улечься спать на полдня и больше ничем не интересоваться, он копался около дуба, разрывал палкой почву, а потом, спустившись к реке, стал разглядывать журчащие по камням водные струи.

Он долго вглядывался в свое отражение в быстро бегущей воде, а затем храбро прыгнул туда. Выскочив оттуда с дикими воплями, он начал бегать по песчаной отмели, снова падал в воду, барахтался там не меньше получаса, затем вылез из нее, дрожа от холода и возбуждения. Недовольно поглядев на мокрую одежду, он стянул ее с себя и кинул на траву. Все еще жаркое августовское солнце и легкий ветерок быстро высушили покрывшуюся мурашками кожу. Промытые белокурые волосы, подстриженные под горшок, слегка кудрявились.

Сейчас ни одна бы соседка из деревни не признала в этом стройном мощном юноше замызганного деревенского дурачка.

Стоя гольшом, он удивленно рассматривал свою руку, до того как купаться, он поранил ее острым сучком и сейчас тщетно пытался найти раненое место. На левой кисти не было ни единой царапинки.

Он поднял одежду и попытался надеть, но тут скривился от запаха, которого до этого момента не замечал. Подумав, он поднес свою руку к носу, затем так же обнюхал одежду, со скривившимся лицом, схватив свои тряпки, вновь помчался к воде и начал неуклюже их полоскать. После полоскания попытался неуклюже отжать одежду, при этом та начала подозрительно трещать, неизбежное произошло — старье, не выдержав напора сильных молодых рук, порвалось пополам.

Мыколка с удивлением глядел на тряпки в своих руках. Когда их развернул, оказалось, что он открутил нижнюю часть штанин у портов, а у рубахи весь низ. Но парень не унывал, он надел влажную одежду на себя и, сверкая голыми коленками, начал босиком расхаживать по лугу, удивляясь всему, что видел.

Сегодня он не задержался, как только солнце подошло к нужной черте, коровы были собраны, и стадо, услышав шелканье кнута, быстро потрусило к селу. Сельцо Чугуево было небольшим. И если б не церквушка, выстроенная в незапамятные времена боярином Вершиной, предком нынешнего барина, была бы это просто деревенька в двадцать два